

Навек
БАЖОВ

КАМЕННЫЙ ЦВЕТOK

Сказы

• ОСНОВНАЯ ШКОЛА

Павел Петрович Бажов
Каменный цветок. Сказы
Серия «Лучшая школьная классика»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74358181
Павел Петрович Бажов «Каменный цветок». Сказы: ООО
«Издательство АСТ»; Москва; 2026
ISBN 978-5-17-188716-2*

Аннотация

Павел Бажов долгое время собирал и перерабатывал предания Урала, горных мастеров и старателей. Множество таких историй он услышал от горняцкого сказителя Василия Хмеленина, имя которого упоминалось в первых изданиях «Малахитовой шкатулки» («Уральских сказов»). Неоднократно экранизированные, переведённые на разные языки, сказы П. П. Бажова вошли в список, рекомендованный Министерством просвещения РФ. Поэтому наш сборник станет отличным помощником при подготовке к урокам по литературе и русскому языку. А удивительно певучий, особый язык (будто говор уральских горняков!) расскажет о чуждом крае и горных умельцах, расширив кругозор ребёнка.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Каменный цветок	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Павел Бажов

Каменный цветок

Сказы

Серийное оформление и дизайн обложки О. Жуковой.

© Бажов П. П., насл., 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Каменный цветок

Не одни мраморски на славе были по каменному-то делу. Тоже и в наших заводах, сказывают, это мастерство имели. Та только различка, что наши больше с малахитом возгались, как его было довольно, и сорт – выше нет. Вот из этого малахиту и выделявали подходяще. Такие, слышь-ко, штуочки, что диву дашься: как ему помогло.

Был в ту пору мастер Прокопич. По этим делам первый. Лучше его никто не мог. В пожилых годах был.

Вот барин и велел приказчику поставить к этому Прокопичу парнишек на выучку.

– Пушай-де переймут всё до тонкости.

Только Прокопич, – то ли ему жаль было расставаться со своим мастерством, то ли ещё что, – учил шибко худо. Всё у него с рывка да с тычка. Насадит парнишке по всей голове шишек, уши чуть не оборвёт, да и говорит приказчику:

– Не гоже этот... Глаз у него неспособный, рука не несёт. Толку не выйдет.

Приказчику, видно, заказано было улаживать Прокопича.

– Не гоже, так не гоже... Другого дадим... – И нарядит другого парнишку.

Ребятишки прослышали про эту науку... Спозаранку ревут, как бы к Прокопичу не попасть. Отцам-матерям тоже

не сладко родного дитенка на зряшную муку отдавать, – выгораживать стали своих-то, кто как мог. И то сказать, нездорово это мастерство, с малахитом-то. Отрава чистая. Вот и оберегаются люди.

Приказчик всё ж таки помнит баринов наказ – ставит Прокопьючу учеников. Тот по своему порядку помытарит парнишку, да и сдаст обратно приказчику.

– Не гожд этот...

Приказчик взъедаться стал:

– До какой поры это будет? Не гожд да не гожд, когда гожд будет? Учи этого...

Прокопьюч знай своё:

– Мне что... Хотя десять годов учить буду, а толку из этого парнишки не будет...

– Какого тебе ещё?

– Мне хоть и вовсе не ставь, – об этом не скучаю...

Так вот и перебрали приказчик с Прокопьючем много ребятешек, а толк один: на голове шишки, а в голове – как бы убежать. Нарочно которые портили, чтобы Прокопьюч их прогнал.

Вот так-то и дошло дело до Данилки Недокормыша. Сиротка круглый был этот парнишечко. Годов, поди, тогда двенадцати, а то и боле. На ногах высоконький, а худой-расхудой, в чём душа держится. Ну, а с лица чистенький. Волосянки кудрявеньки, глазёнки голубеньки. Его и взяли сперва в казачки при господском доме: табакерку, платок подать,

сбегать куда и протча. Только у этого сиротки дарованья к такому делу не оказалось. Другие парнишки на таких-то местах выюнами выются. Чуть что – навытяжку: что прикажете? А этот Данилко забьётся куда в уголок, уставится глазами на картину какую, а то на украшение, да и стоит. Его кричат, а он и ухом не ведёт. Били, конечно, поначалу-то, потом рукой махнули:

– Блаженный какой-то! Тихоход! Из такого хорошего слуги не выйдет.

На заводскую работу либо в гору всё-таки не отдали – шибко жидко место, на неделю не хватит. Поставил его приказчик в подпаски. И тут Данилко не вовсе гош пришёлся. Парнишечко ровно старательный, а всё у него оплошка выходит. Всё будто думает о чём-то. Уставится глазами на травинку, а коровы-то – вон где! Старый пастух ласковый попался, жалел сироту, и тот временем ругался:

– Что только из тебя, Данилко, выйдет? Погубишь ты себя, да и мою старую спину под бой подведёшь. Куда это годится? О чём хоть думка-то у тебя?

– Я и сам, дедко, не знаю... Так... ни о чём... Засмотрелся маленько. Букашка по листочку ползла. Сама сизенька, а из-под крылышек у ней желтенько выглядывает, а листок широконый... По краям зубчики, вроде оборочки выгнуты. Тут потемнее показывает, а серёдка зелёная-презеленая, ровно её сейчас выкрасили... А букашка-то и ползёт.

– Ну, не дурак ли ты, Данилко? Твоё ли дело букашек раз-

бирать? Ползёт она – и ползи, а твоё дело за коровами глядеть. Смотри у меня, выбрось эту дурь из головы, не то приказчику скажу!

Одно Данилушке далось. На рожке он играть научился – куда старику! Чисто на музыке какой. Вечером, как коров пригонят, девки-бабы просят:

– Сыграй, Данилушко, песенку.

Он и начнёт наигрывать. И песни все незнакомые. Не то лес шумит, не то ручей журчит, птички на всякие голоса перекликаются, а хорошо выходит. Шибко за те песенки стали женщины привечать Данилушку. Кто пониточек починит, кто холста на онучи отрежет, рубашонку новую сошьёт. Про кусок и разговору нет, – каждая норовит дать побольше да послаще. Старику пастуху тоже Данилушковы песни по душе пришлись. Только и тут маленько неладно выходило. Начнёт Данилушко наигрывать и всё забудет, ровно и коров нет. На этой игре и пристигла его беда.

Данилушко, видно, заигрался, а старик задремал по малости. Сколько-то коровёнок у них и отбились. Как стали на выгон собирать, глядят – той нет, другой нет. Искать кинулись, да где тебе. Пасли около Ельничной... Самое тут волчье место, глухое... Одну только коровёнку и нашли. Пригнали стадо домой... Так и так – обсказали. Ну, из завода тоже побежали-поехали на розыски, да не нашли.

Расправа тогда, известно, какая была. За всякую вину спину кажи. На грех ещё одна-то корова из приказничьего двора

была. Тут и вовсе спуску не жди. Растянули сперва старика, потом и до Данилушки дошло, а он худенький да тощенький. Господский палач оговорился даже:

– Экой-то, – говорит, – с одного разу сомлеет, а то и вовсе душу выпустит.

Ударил всё ж таки – не пожалел, а Данилушко молчит. Палач его вдругорядь – молчит, втретьи – молчит. Палач тут и расстервенился, давай полысать со всего плеча, а сам кричит:

– Я тебя, молчуна, доведу... Дашь голос... Дашь!

Данилушко дрожит весь, слёзы каплют, а молчит. Закусил губенку-то и укрепился. Так и сомлел, а словечка от него не слышали. Приказчик, – он тут же, конечно, был, – удивился:

– Какой ещё терпеливый выискался! Теперь знаю, куда его поставить, коли живой останется.

Отлежался-таки Данилушко. Бабушка Вихориха его на ноги поставила. Была, сказывают, старушка такая. Вместо лекаря по нашим заводам на большой славе была. Силу в травах знала: которая от зубов, которая от надсады, которая от ломоты... Ну, всё как есть. Сама те травы собирала в самое время, когда какая трава полную силу имела. Из таких трав да корешков настойки готовила, отвары варила да с мазями мешала.

Хорошо Данилушке у этой бабушки Вихорихи пожилось. Старушка, слышь-ко, ласковая да словоохотливая, а трав, да корешков, да цветков всяких у ней засушено да навешано

по всей избе. Данилушко к травам-то любопытен – как эту зовут? где растёт? какой цветок? Старушка ему и рассказывает.

Раз Данилушко и спрашивает:

– Ты, бабушка, всякий цветок в наших местах знаешь?

– Хвастаться, – говорит, – не буду, а всё будто знаю, какие открытые-то.

– А разве, – спрашивает, – ещё не открытые бывают?

– Есть, – отвечает, – и такие. Папору вот слышал? Она будто цветёт на Иванов день. Тот цветок колдовской. Клады им открывают. Для человека вредный. На разрыв-траве цветок – бегучий огонёк. Поймай его – и все тебе затворы открыты. Воровской это цветок. А то ещё каменный цветок есть. В малахитовой горе будто растёт. На змеиный праздник полную силу имеет. Несчастный тот человек, который каменный цветок увидит.

– Чем, бабушка, несчастный?

– А это, дитенок, я и сама не знаю. Так мне сказывали.

Данилушко у Вихорихи, может, и подольше бы пожил, да приказчиковы вестовщики углядели, что парнишко мало-мало ходить стал, и сейчас к приказчику. Приказчик Данилушку призвал да и говорит:

– Иди-ко теперь к Прокопьючу – малахитному делу обучаться. Самая там по тебе работа.

Ну, что сделаешь? Пошёл Данилушко, а самого ещё ветром качает.

Прокопъич поглядѣл на него, да и говорит:

– Ещѣ такого не доставало. Здоровым парнишкам здѣшняя учёба не по силе, а с такого что взыщешь – еле живой стоит.

Пошѣл Прокопъич к приказчику:

– Не надо такого. Ещѣ ненарком убьѣшь – отвечать придѣтся.

Только приказчик – куда тебе, слушать не стал:

– Дано тебе – учи, не рассуждай! Он – этот парнишка – крепкий. Не гляди, что жиденъкий.

– Ну, дело ваше, – говорит Прокопъич, – было бы сказано. Буду учить, только бы к ответу не потянули.

– Тянуть некому. Одинокий этот парнишка, что хочешь с ним делай, – отвечает приказчик.

Пришѣл Прокопъич домой, а Данилушко около станочка стоит, досочку малахитову оглядывает. На этой досочке зарез сделан – кромку отбить. Вот Данилушко на это место уставился и головѣнкой покачивает. Прокопъичу любопытно стало, что этот новенький парнишка тут разглядывает. Спросил строго, как по его правилу велось:

– Ты это что? Кто тебя просил поделку в руки брать? Что тут доглядываешь?

Данилушко и отвечает:

– На мой глаз, дедушко, не с этой стороны кромку отбивать надо. Вишь, узор тут, а его и срежут.

Прокопъич закричал, конечно:

– Что? Кто ты такой? Мастер? У рук не бывало, а судишь?

Что ты понимать можешь?

– То и понимаю, что эту штуку испортили, – отвечает Данилушко.

– Кто испортил? а? Это ты, сопляк, мне, – первому мастеру!.. Да я тебе такую порчу покажу... жив не будешь!

Пошумел так-то, покричал, а Данилушку пальцем не задел. Прокопъич-то, вишь, сам над этой досочкой думал – с которой стороны кромку срезать. Данилушко своим разговором в самую точку попал. Прокричался Прокопъич и говорит вовсе уж добром:

– Ну-ко, ты, мастер явленный, покажи, как, по-твоему, сделать?

Данилушко и стал показывать да рассказывать:

– Вот бы какой узор вышел. А того бы лучше – пустить досочку поуже, по чистому полю кромку отбить, только сверху плетешок малый оставить.

Прокопъич, знай, покрикивает:

– Ну-ну... Как же! Много ты понимаешь. Накопил – не просып! – А про себя думает: «Верно парнишка говорит. Из такого, пожалуй, толк будет. Только учить-то его как? Стуки разок – он и ноги протянет».

Подумал так, да и спрашивает:

– Ты хоть чей, экий учёный?

Данилушко и рассказал про себя.

Дескать, сирота. Матери не помню, а про отца и вовсе не знаю, кто был. Кличут Данилкой Недокормышем, а как от-

чество и прозвание отцовское – про то не знаю. Рассказал, как он в дворне был и за что его прогнали, как потом лето с коровьим стадом ходил, как под бой попал.

Прокопъич пожалел:

– Не сладко, гляжу, тебе, парень, житьишко-то задалось, а тут ещё ко мне попал. У нас мастерство строгое.

Потом будто рассердился, заворчал:

– Ну, хватит, хватит! Вишь, разговорчивый какой! Языком-то – не руками – всяк бы работал. Целый вечер лясы да балясы! Ученичок тоже! Погляжу вот завтра, какой у тебя толк. Садись ужинать, да и спать пора.

Прокопъич одиночкой жил. Жена-то у него давно умерла. Старушка Митрофановна из соседей снаходу у него хозяйство вела. Утрами ходила пострепать, сварить чего, в избе прибрать, а вечерами Прокопъич сам управлял, что ему надо.

Поели, Прокопъич и говорит:

– Ложись вон тут на скамеечке.

Данилушко разулся, котомку свою под голову, понитком закрылся, поёжился маленько, – вишь, холодно в избе-то было по осеннему времени, – всё ж таки вскорости уснул. Прокопъич тоже лёг, а уснуть не может: всё у него разговор о малахитовом узоре из головы нейдёт. Ворочался-ворочался, встал, зажёг свечку, да и к станку – давай эту малахитову досочку так и сяк примерять. Одну кромку закроет, другую... прибавит поле, убавит. Так поставит, другой стороной по-

вернёт, и всё выходит, что парнишка лучше узор понял.

– Вот тебе и Недокормышек! – дивится Прокопъич. – Ещё ничем-ничего, а старому мастеру указал. Ну, и глазок! Ну, и глазок!

Пошёл потихоньку в чулан, притащил оттуда подушку да большой овчинный тулуп. Подсунул подушку Данилушке под голову, тулупом накрыл:

– Спи-ко, глазастый!

А тот и не проснулся, повернулся только на другой бочок, растянулся под тулупом-то – тепло ему стало, – и давай на-свистывать носом полегоньку. У Прокопъича своих ребят не бывало, этот Данилушко и припал ему к сердцу. Стоит мастер, любит, а Данилушко, знай, посвистывает, спит себе спокойненько. У Прокопъича забота – как бы этого парнишку хорошенько на ноги поставить, чтоб не такой тощий да нездоровый был.

– С его ли здоровьишком нашему мастерству учиться. Пыль, отравы, – живо зачахнет. Отдохнуть бы ему сперва, подправиться, потом учить стану. Толк, видать, будет.

На другой день и говорит Данилушке:

– Ты спервоначалу по хозяйству помогать будешь. Такой у меня порядок заведён. Понял? Для первого разу сходи за калиной. Её иньями прихватило, – в самый раз она теперь на пироги. Да, гляди не ходи далеко-то. Сколь наберёшь – то и ладно. Хлеба возьми полишку, – естся в лесу-то, – да ещё к Митрофановне зайди. Говорил ей, чтоб тебе пару яичек

испекла да молока в туесочек плеснула. Понял?

На другой день опять говорит:

– Поймай-ко ты мне щеглѣнка поголосистее да чечѣтку побойчее. Гляди, чтобы к вечеру были. Понял?

Когда Данилушко поймал и принѣс, Прокопѣич говорит:

– Ладно, да не вовсе. Лови других.

Так и пошло. На каждый день Прокопѣич Данилушке работу даёт, а всё забава. Как снег выпал, велел ему с соседом за дровами ездить – пособишь-де. Ну, а какая подмога! Вперѣд на санях сидит, лошадьё правит, а назад за возом пешком идѣт. Промнется так-то, поест дома, да спит покрепче. Шубу ему Прокопѣич справил, шапку тёплую, рукавицы, пимы на заказ скатали. Прокопѣич, видишь, имел достаток. Хоть крепостной был, а по оброку ходил, зарабатывал маленько. К Данилушке-то он крепко прилип. Прямо сказать, за сына держал. Ну, и не жалел для него, а к делу своему не подпускал до времени.

В хорошем-то житьѣ Данилушко живо поправляться стал и к Прокопѣичу тоже прильнул. Ну, как! – понял Прокопѣичеву заботу, в первый раз так-то пришлось пожить. Прошла зима. Данилушке и вовсе вольготно стало. То он на пруд, то в лес. Только и к мастерству Данилушко присматривался. Прибежит домой, и сейчас же у них разговор. То, другое Прокопѣичу расскажет, да и спрашивает – это что да это как? Прокопѣич объяснит, на деле покажет. Данилушко примечает. Когда и сам примется. «Ну-ко, я...» – Прокопѣич глядит,

поправит, когда надо, укажет, как лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.